

Еще томлюсь тоской желаний... (сборник)

Автор:

[Федор Суринова](#)

Еще томлюсь тоской желаний... (сборник)

Федор Иванович Тютчев

Елена Суринова

Для своего времени Федор Иванович Тютчев, прежде всего дипломат, политик. Для нашего – поэт. Свои лучшие стихи о любви он посвятил женщинам, которые никогда не могли их понять, ибо слишком плохо знали русский язык. Полжизни проживший за границей, он оставил самые нежные и лиричные описания русской природы.

Его любовная лирика наполнена мотивами скоротечности счастья, гибельности любви, вины перед любимой женщиной, скорби, раскаяния и душевных терзаний. И в то же время его стихи проникнуты вечным обожанием, преклонением и готовностью пройти любые испытания ради любви к Женщине.

Федор Тютчев

Еще томлюсь тоской желаний...

Не верь, не верь поэту, дева...

Я встретил вас – и все былое

В отжившем сердце ожило...

Один взгляд на эти строки – и в голове сразу звучит мотив романса. Легко, по памяти, продолжаем:

Я вспомнил время золотое —

И сердцу стало так тепло...

Кажется, мы всю жизнь знали эти стихи, и рассказанная в них история представляется совсем простой: когда-то поэт любил женщину, и вдруг встречает ее, скорее всего, случайно, после долгой разлуки.

История действительно простая. Юношеская влюбленность, расставание, случайная встреча. И разлука действительно долгая – без малого четверть века, и встреча случайная. А все воскресает: и очарование, и любовь, и «душевная полнота», и сама жизнь наполняется смыслом. И трудно представить, что поэту уже 67 лет, а его любимой – 61. И остается только восхищаться такой силой и чистотой чувств, такой способностью любить, таким преклонением перед женщиной.

Это была Клотильда Ботмер – младшая сестра Элеоноры, первой жены Федора Ивановича Тютчева; ее инициалы и вынесены в заглавие стихотворения. Между двумя встречами с этой женщиной поэт пережил и юношескую влюбленность, и семейное счастье мужа и отца, и роковую страсть, и горькие потери любимых. История любви Федора Ивановича Тютчева полна драматизма, безумной страсти, роковых ошибок, душевных мук, разочарований и раскаяния. Поэт в своих стихах не называет имен любимых женщин, они становятся для него центром бытия, осью, на которой держится весь мир; и каждый раз любовное увлечение оборачивается не только слиянием родственных душ, но и поединком роковым:

Любовь, любовь – гласит преданье —

Союз души с душой родной —

Их съединенье, сочетанье,

И роковое их слиянье,

И... поединок роковой...

(Предопределение)

Первая любовь пришла к Федору Тютчеву в Мюнхене, где он служил внештатным чиновником при русской дипломатической миссии. «Младой фее» – Амалии Максимилиановне Лерхенфельд (позднее в замужестве – баронесса Крюденер) – было всего 14 лет, а поэту 18. Они гуляли по городу, совершали поездки по его древним предместьям, к Дунаю, обменялись цепочками для нательных крестиков («Я помню время золотое...»). Однако «золотое время» романтических прогулок и по-детски чистых отношений длилось недолго. Предложение о браке было отклонено родственниками юной возлюбленной: нетитулованному русскому дипломату, находящемуся в Германии на внештатной службе, небогатому и еще слишком молодому, предпочли более удачную партию. Переживания Тютчева – обида, горечь, разочарование – отражены в грустном, щемящем сердце, послании:

Твой милый взор, невинной страсти полный,

Златой рассвет небесных чувств твоих

Не мог – увы! – умиловать их —

Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,

Они, о друг, бегут, как приговора,

Твоей любви младенческого взора.

Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;

Как жизни ключ, в душевной глубине

Твой взор живет и будет жить во мне:

Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженный свет;

Лишь в небесах сияет он, небесный;

В ночи греха, на дне ужасной бездны,

Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

(«Твой милый взор, невинной страсти полный»)

Но была еще одна встреча спустя многие годы. Амалия, уже не останавливаясь перед нормами приличия, без приглашения пришла к умирающему Тютчеву и вернула обещанный при обмене шейными крестильными цепочками поцелуй.

В Мюнхене же Тютчев встретил свою новую любовь – Элеонору Петерсон (урожденную фон Ботмер). Она была вдовой русского дипломата, старше Тютчева на три года и имела от первого брака четырех сыновей. Необыкновенно красивая, женственная, чуткая, она боготворила мужа и подарила ему несколько счастливых лет и трех дочерей: Анну (1829), Дарью (1834) и Екатерину (1835). В январе 1833 года в жизнь Тютчева, словно камень, сброшенный с горы, – кем сброшенный – всеильным Роком или слепым Случаем? – ворвалась новая большая любовь, повлекшая за собой испытания и проблемы...

С горы скатившись, камень лег в долине.

Как он упал? Никто не знает ныне —

Сорвался ль он с вершины сам собой,

Иль был низринут волею чужой?

Столетье за столетьем пронеслося:

Никто еще не разрешил вопроса.

(Probleme)

Всепоглощающая безумная страсть к молодой и прелестной Эрнестине фон Дёрнберг (урожденной фон Пфеффель) в сочетании со служебными обязанностями и чувством семейного долга вызывают у поэта томление, раздражение, отчаянную тоску. Однако этим испытаниям и проблемам суждено было закончиться настоящей трагедией: в результате несчастного случая в жесточайших мучениях Элеонора умерла. Нежную память о ней поэт сохранил на всю жизнь, а на 10-ю годовщину смерти Элеоноры написал:

Еще томлюсь тоской желаний.

Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

(«Еще томлюсь тоской желаний...»)

Так спустя шесть лет после знакомства и безумной страсти Эрнестина стала второй женой поэта.

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...
Но есть сильнее очарованья:
Глаза потупленные ниц,
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

(«Люблю глаза твои, мой друг...»)

Эта женщина вдохновила Тютчева на создание таких шедевров любовной лирики, как «С какою негою, с какой тоской влюбленной...», «Вчера, в мечтах обвороженных», «Не знаю я, коснется ль благодать...», «1 декабря 1837», «Она сидела на полу...». Она родила ему трех детей: Марию (1840), Дмитрия (1841) и

Ивана (1846). В сентябре 1844 года под влиянием жизненных обстоятельств Тютчев принял решение вернуться в Петербург. Начиналась вторая, русская, жизнь Федора Ивановича. Тютчеву – 41 год.

Жизнь в России для семьи оказалась сложной: постоянные денежные затруднения, непривычный климат, неустроенный, по сравнению с европейским, быт; а главное – дети, свои, крошечные, с детскими болезнями и почти взрослые падчерицы с новыми взрослыми проблемами. К Петербургу Эрнестина Федоровна так и не привыкла, не увлекали ее и успехи в «модном свете»; охотно отпуская супруга блистать в аристократических гостиных, она с удовольствием занималась детьми, домом, много и серьезно читала, а позже подолгу жила в родовом имении Тютчевых в Орловской губернии. Федор Иванович начал томиться, скучать, рваться из дому... Ему стало тесно внутри семейного круга.

Как дымный столп

светлеет в вышине! —

Как тень внизу скользит,

неуловима!..

«Вот наша жизнь,—

промолвила ты мне,—

Не светлый дым,

блестящий при луне,

А эта тень, бегущая от дыма...»

(«Как дымный столп...»)

В таком состоянии души и сердца застало Тютчева знакомство с Еленой Денисьевой. Елена Александровна была женщиной красивой, смелой, темпераментной; роман с нею развивался бурно и страстно. Последовали скандал и общественное осуждение.

Чему молилась ты с любовью,

Что, как святыню берегла,

Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

(«Чему молилась ты с любовью»)

Гордая молодая женщина, бросившая вызов светскому обществу, совершившая подвиг во имя любви и погибшая в отчаянной борьбе за свое счастье – такова героиня денисьевского цикла стихотворений. Тютчев понимал, насколько роковой оказалась для нее их любовь.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

.....

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

(«О, как убийственно мы любим...»)

Душа поэта разрывалась между двумя любимыми женщинами. И Эрнестина, и Елена были как бы центрами двух его разных жизней, двух одновременно существующих миров. Испытывая глубокое благодарное чувство к жене, он тем не менее не мог положить конец своим отношениям с Еленой, которые в одном из стихотворений 1859 года, обращенном к Эрнестине Федоровне, назвал «духовным обмороком»:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

(«Не знаю я, коснется ль благодать»)

Однако привязанность, чувство долга и благодарности к жене не могли вытеснить из души поэта такую драматичную, но нежную любовь к Елене Денисьевой.

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

(Последняя любовь)

Развязка этой накаленной драматичной ситуации была трагической. Отчаянно отстаивая свое право на счастье с любимым, Елена Александровна уже в зрелом возрасте решила на третьего ребенка, но умерла при родах. За год до этого Тютчев написал стихотворение, в котором впервые за четырнадцать лет своего рокового романа признает его греховность:

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,—
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

(«Когда на то нет Божьего согласия...»)

Смерть любимой глубоко потрясла поэта, собственная жизнь будто потеряла смысл; им охватило отчаяние, он даже был близок к помешательству.

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

(«О, этот Юг, о, эта Ницца!..»)

Чувство страдания и вины усугубилось трагедией в семье: один за одним умерли четверо детей, а вскоре и брат.

Последние слова любви Федор Иванович, уже смертельно больной, адресовал своей жене Эрнестине:

Всё отнял у меня казнящий Бог:

Здоровье, силу воли, воздух, сон,

Одну тебя при мне оставил он,

Чтоб я ему еще молиться мог.

День смерти поэта пришелся на 15 июля 1873 года. За двадцать три года до этого, день в день, 15 июля, последний романтический поэт встретил свою последнюю любовь – Елену Денисьеву...

1820-е

Твой милый взор, невинной страсти полный...

«Не дай нам духу празднословия!»

«Не дай нам духу празднословия!»

Итак, от нынешнего дня

Ты в силу нашего условия

Молитв не требуй от меня.

Начало 1820-х годов

Весеннее приветствие стихотворцам

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!—
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..
Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвеваает нас!..
И радость в сердце пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..
Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
О вы, чей взор столь часто освящен
Благоговения слезами,
Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему поэзией вручен!
В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!..

И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..
Как полным, пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом,
Блистают розы и горят—
И Зефир – радостным полетом
Их разливают аромат,—
Так разливайся жизни сладость,
Певцы, за вами по следам!
Так порхай ваша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

<Апрель 1821>

Слезы

O lacrimarum fons...

Gray[1 - О источник слез... (лат.). Грей.]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, когда создание
Как бы погружено в весне,

И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..
Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!
Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..
Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.
И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

Противникам вина

(Яко и вино веселит сердце человека)

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.
Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ною,—
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.

Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х годов

Проблеск

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..
То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое зефира
Взрывает скорь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!
О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.
Как верим верою живую,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!
Но, ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.
Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон,—
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

<Осень 1825>

К Нисе

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.
Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой,—
Наших чувств тебе, знать, мало,—
Ниса, Ниса, бог с тобой!

<Осень 1825>

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог - увы! - умилоствовать их —

Он служит им укрою безмолвной.
Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.
Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.
Таков горе{4d/асcent} духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,—
И в звучных листьях замер он.
Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,—
И торопливей, молчаливей

Ложится по долине тень.

<1826>

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

<1828, 1854>

Cache-cache

[2 - Игра в прятки (франц.).]

Вот арфа ее в обычном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.
Влетел мотылек, и с цветка на другой,

Притворно-беспечный, он начал порхать.

О, полно кружиться, мой гость дорогой!

Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

<1828>

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар

С главы своей земля скатила,

И мирный вечера пожар

Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли

И тяготеющий над нами

Небесный свод приподняли

Своими влажными главами.

Река воздушная полней

Течет меж небом и землею,

Грудь дышит легче и вольней,

Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,

По жилам пробежал природы,

Как бы горячих ног ея

Коснулись ключевые воды.

<1828>

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,

Беспмятство, как Атлас, давит сушу;

Лишь Музы девственную душу

В пророческих тревожат боги снах!

<Первая половина 1829>

Бессонница

Часов однообразный бой,

Томительная ночи повесть!

Язык для всех равно чужой

И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,

Среди всемирного молчанья,

Глухие времени стенанья,

Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг —

И мы, в борьбе, природой целой,

Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,

Как призрак, на краю земли,

И с нашим веком и друзьями

Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя

Меж тем на солнце расцвело,

А нас, друзья, и наше время

Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный

Свершая в полуночный час,

Металла голос погребальный

Порой оплакивает нас!

<1829>

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,

Ночной омытая грозой,

И между гор росисто вьется

Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины

Туманы покрывают скат,

Как бы воздушные руины

Волшебством созданных палат.

<1829>

Снежные горы

Уже полдневная пора

Палит отвесными лучами,—

И задымилася гора

С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,

Синеют озера струи,

И с камней, блещущих на зное,

В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный

Наш дольний мир, лишенный сил,

Проникнут негой благовонной,

Во мгле полуденной почил,—

Горе, как божества родные,

Над издыхающей землей

Играют выси ледяные

С лазурью неба огневой.

<1829>

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,

Лениво катится река,

В лазури пламенной и чистой

Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,

Дремота жаркая объемлет,

И сам теперь великий Пан

В пещере нимф покойно дремлет.

<1829>

1830-е

Я помню время золотое...

Сны

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

<Начало 1830>

Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!
И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,

Твоя утраченная младость,

Моя погибшая любовь!

<1830>

К N. N.

Ты любишь! ты притворствовать умеешь,—

Когда, в толпе, украдкой от людей,

Моя нога касается твоей,

Ты мне ответ даешь - и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,

Движенье персей, взор, улыбка та ж...

Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,

Любуется твоей красотой послушной!

Благодаря и людям и судьбе,

Ты тайным радостям узнала цену,

Узнала свет: он ставит нам в измену

Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,

Он улетел с твоих молодых ланит —

Так с юных роз Авроры луч бежит

С их чистою душою ароматной.

Но так и быть: в палящий летний зной

Лестней для чувств, приманчивей для взгляда

Смотреть, в тени, как в кисти винограда

Сверкает кровь сквозь зелени густой.

<1830>

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,

Толпами улица блистала,

И облаков вечерних тень

По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой

Все звуки жизни благодатной —

И все в один сливалось строй,

Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,

Я впал в невольное забвенье;

Не знаю, долог ли был сон,

Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам

И воцарилось молчанье —

Ходили тени по стенам

И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно

Глядело бледное светило,

И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

<1830, 1851>

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

<1830>

Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,—
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,

Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

<1830>

«Здесь, где так вяло свод небесный...»

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит,—
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...
Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

<1830>

Странник

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..
Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...
Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога,—
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит бога!..

<1830>

Успокоение

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал

По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

<1830>

«Как над горячею золой...»

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,
Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..
О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы - и погас!

<1830>

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»
Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

<1830>

Silentium!

[З - Молчание! (лат.)]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—

Любуясь ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи,—

Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —

Есть целый мир в душе твоей

Таинственно-волшебных дум;

Их оглушит наружный шум,

Дневные разгонят лучи,—

Внимай их пенью – и молчи!..

<1830>

«Душа хотела б быть звездой...»

Душа хотела б быть звездой,

Но не тогда, как с неба полночи

Сии светила, как живые очи,

Глядят на сонный мир земной,—

Но днем, когда, сокрытые как дымом

Палящих солнечных лучей,

Они, как божества, горят светлей

В эфире чистом и незримом.

<1830>

«За нашим веком мы идем...»

За нашим веком мы идем,

Как шла Креуза за Энеем:

Пройдем немного – ослабеем,

Убавим шагу – отстаем.

<1830>

«Песок сыпучий по колени...»

Песок сыпучий по колени...

Мы едем – поздно – меркнет день,

И сосен, по дороге, тени

Уже в одну слилися тень.

Черней и чаще бор глубокий —

Какие грустные места!

Ночь хмурая, как зверь стоокий,

Глядит из каждого куста!

Октябрь 1830

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Осень 1830

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,

Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,

Летите, летите!

Мы с вами летим!..

Осень 1830

«Сей день, я помню, для меня...»

Сей день, я помню, для меня

Был утром жизненного дня:

Стояла молча предо мною,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О источник слез... (лат.). Грей.

2

Игра в прятки (франц.).

3

Молчание! (лат.)

Купить: https://tellnovel.com/surinova_fedor/esche-tomlyus-toskoy-zhelaniy-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)